

Мы смеемся, поднимаем бокалы.
Строим сквозь нас
Проходят раненые, истерзанные;
мы обязаны им памятью и жизнью.
Потому что жить — значит понимать,
что каждый миг жизни —
Это золотой луч света над морем потемок;
жить — значит уметь говорить спасибо.
*Франсуа Чен. «Наконец-то королевство»
(Enfin le royaume)*

Куда уходят слова —
Те, которые сопротивляются,
Которые отрекаются,
Те, которые убеждают
И отравляют? [...]
Куда уходят слова —
Те, которые создают и разрушают нас,
Те, которые спасают нас,
Когда всё вокруг спасает лишь себя?
Ля-Гранд Софи

МАРИ

Вы когда-нибудь задумывались над тем, сколько раз в день говорите спасибо? Спасибо за соль, спасибо за то, что вас пропустили в дверях, спасибо за важные сведения.

Спасибо за сдачу, за багет, за сигареты.

Спасибо из вежливости, спасибо потому, что так принято, автоматические, механические спасибо. Почти пустые.

Иногда вы и вовсе их не произносите.

Иногда произносите с чувством: спасибо тебе. Спасибо за все. Тысячу раз спасибо.

Огромнейшее спасибо.

Профессиональные *спасибо*: за ответ, за внимание, за сотрудничество.

Вы когда-нибудь задумывались над тем, сколько раз в жизни вы по-настоящему говорили спасибо? Спасибо от всей души. Спасибо, которое вы-

ражало бы вашу благодарность, вашу признательность, ваш неоплатный долг.

Кому оно было адресовано?

Учителю, заинтересовавшему вас литературой? Молодому человеку, пришедшему вам на выручку, когда на вас напали на улице? Врачу, спасшему вам жизнь?

Самой жизни?

Сегодня умерла одна пожилая дама, которую я очень любила.

Как часто я повторяла: «Я бесконечно обязана ей». Или: «Возможно, если бы не она, меня сейчас и на свете бы не было».

Я говорила: «Она так много значит для меня».

Много значит... Бесконечно обязана... Это и есть критерии благодарности?

Допустим, но тогда в должной ли мере я выражала ей свою признательность, пока она была еще жива? Давала ли понять, как высоко ценю все то, что она сделала для меня? Достаточно ли я уделяла ей времени и внимания?

Перебираю в памяти последние месяцы, последние часы. Наши беседы, наши улыбки, наше молчание.

На ум приходят мгновения, проведенные вместе. Какие-то уже забылись. А те, которых я не разделила с нею, сами дорисовываются в моем воображении.

Вспоминаю день, когда я поняла, что все изменилось и что отныне наше время сочтено.

Это произошло внезапно. В одночасье.

Впрочем, предзнаменования появлялись и раньше. Иногда Мишá беспомощно останавливалась посреди гостиной, словно не знала, что ей делать дальше, словно последовательность действий, знакомая до мелочей, вдруг ускользала от нее. Иногда Миша останавливалась посреди фразы, в прямом смысле спотыкаясь обо что-то невидимое. Она искала одно слово, а находила другое. Или вообще не находила ничего, кроме пустоты, кроме западни, которую следовало обойти. И тем не менее все это время она жила дома одна. Самостоятельно. Продолжала читать, смотреть телевизор, периодически принимать гостей.

И вот наступил осенний день, событий которого ничто не предвещало.

Еще накануне все шло как прежде. С этого дня все пошло иначе.

Мысленным взором я вижу Миша в ее квартире с низкими потолками. Она сидит в кресле. Шторы за ее спиной задернуты, но сквозь щель между ними в комнату сочится послеполуден-

ный свет. Стены немного пожелтели. Мебель, картины, безделушки на полках — все вокруг выглядит так, словно попало сюда из далекого прошлого.

Да, ее зовут Миша. Это пожилая дама с манерами юной девушки. Или девушка, состарившаяся по чьему-то недосмотру, жертва злой судьбы.

Длинные узловатые руки Миша вцепились в подлокотники кресла, точно она боится упасть.

Бип! Бип! Бип! Резкие сигналы пронзают тишину. Миша вздрагивает, водит глазами по сторонам, смотрит на браслет на своем запястье, удивляясь тому, что звук может исходить из этого странного и неприятного предмета, который она после долгих уговоров все же согласилась носить.

В комнате раздается голос оператора службы неотложной медицинской помощи.

— Добрый день, мадам Сельд, говорит Мюриель из службы неотложной помощи. Вы нажали кнопку тревоги?

— Да...

— Вы упали?

— Нет-нет.

— Вы нехорошо себя чувствуете?

— Не особенно.

— Можете объяснить чуть подробнее?

— Я боюсь.

— Где вы сейчас находитесь, мадам Сельд?

— В гостиной.

— Вы поранились?

— Нет, но... Я вот-вот потеряю.

— Вы что-то потеряли?

Миша сильнее вцепляется в подлокотники: ей кажется, что кресло раскачивается под ней, а пол уходит из-под ног. Она не отвечает.

— Вы сидите?

— Да, я в кресле. Но мне не шевельнуться.

— Можете встать?

— Нет.

— Как давно вы сидите в кресле, мадам Сельд?

— Не знаю... Наверно, с сегодняшнего утра.

Я позавтракала и, как всегдашнее, уселась разгадывать кроссворд. Но не нашла его. А потом... потом... я... я хотела... Я не смогла подняться... Я все теряю, вот в чем дело.

— Что именно вы потеряли, мадам Сельд?

— Глазами этого не увидеть. Но я чувствую.

Оно убегает... исчезает.

— Вы можете подвигать ногами, мадам Сельд?

— Нет-нет-нет, больше не могу. Это конец.

Я боюсь.

— И вам действительно не встать?

— Да.

— Вы сегодня обедали?

— Не особенно.

— То есть вы не вставая сидите в кресле с самого утра?

— Да, именно так.

— Я позвоню кому-нибудь из ваших близких, чьи имена указаны в карточке, вы согласны?

— Да.

Пальцы оператора торопливо застучали по клавиатуре. Не сомневаюсь, Миша отчетливо слышала этот звук.

— Тут значится имя мадемуазель Мари Шапье. Я звоню ей?

— Не знаю...

— Это ваша дочь?

— Нет.

— Вы хотите, чтобы я позвонила ей?

— Да, пожалуйста. Передайте, что мне неловко... извлекать ее, просто я вот-вот кое-что потеряю... кое-что важное.

Голос оператора сменяется музыкой, какая обычно звучит в супермаркетах. Миша не двигается, она смотрит прямо перед собой, замерев в такой знакомой мне позе сосредоточенного ожидания. Спустя некоторое время снова раздаётся голос Мюриель:

— Мадам Сельд, вы слышите меня?

— Да.

— Мари немедленно выезжает к вам. Обещает, что будет у вас минут через двадцать — двадцать пять. Она предупредит вашего врача.

— Порошок.

Миша произнесла слово «порошок» тем тоном, каким обычно говорят «хорошо».

— Какой порошок?

— Да, порошок.

— Я сейчас вернусь к своей работе, мадам Сельд, но буду на связи. Если почувствуете себя плохо, снова нажмите кнопку на своем браслете, и я позвоню вам, хорошо?

— Да, порошок. Спасибо.

Миша продолжает сидеть, положив руки на подлокотники. Пытается успокоить дыхание.

Закрывает глаза.

Спустя несколько мгновений она слышит девичий голосок.

Я буду спать у тебя? Ты оставишь свет? Ты останешься тут? Ты можешь оставить дверь открытой? Ты останешься со мной?

Миша улыбается. Голос девочки пробуждает воспоминания, приятные и в то же время болезненные.

А мы позавтракаем вместе? А ты чего-нибудь боишься? А ты знаешь, где моя школа? Ты ведь не выключишь свет? Ты проводишь меня, если мама не сможет?

Я коротко нажала на звонок и тотчас вставила ключ в замок.

Вошла в комнату и увидела Миша, чьи пальцы впились в подлокотники кресла так, будто его сейчас унесет быстрым течением.

Я приблизилась к ней и обняла. Ощутила сладковатый запах ее лака для волос. Поразительно, но этот аромат по сей день не утратил своей власти надо мной: стоит мне вдохнуть его, в памяти тотчас оживают картины прошлого.

— Ну, Миша, рассказывай, что стряслось?

— Не знаю. Я боюсь.

— Помочь тебе встать?

— Нет-нет-нет.

— Миша, я была у тебя три дня назад, и ты прекрасно ходила с тростью. Ты точно сможешь подняться.

Я подхватила ее под мышки. Она уперлась ладонями в подлокотники, оттолкнулась и, к своему удивлению, оказалась на ногах. Ее немного пошатывало, но она сумела удержаться в вертикальном положении.

— Вот видишь...

— Я говорила тебе, что упала в гостиной?

— Да, Миша, ты говорила.

— Так глупо — булавой вперед!

Я протянула ей трость и встала с другой стороны, чтобы она могла взять меня под руку.

— Идем!

— Только осторожно...

— Ты, должно быть, умираешь с голоду...

Мы отправились в кухню. Миша цеплялась за меня и семенила маленькими шагами. Я чувствовала, что уверенность понемногу возвращается к ней.

— Ну, неплохо...

И все же с этого дня Миша больше не могла оставаться одна.

Миша в какой-то безликой комнате. Сидит перед письменным столом, заваленным документами. С другой стороны стола пустует кожаное кресло, большое и черное.

Желая подбодрить себя, Миша напевает песню.

Бедный солдат идет с войны,
Идет не спеша.
Бедный солдат идет с войны,
Идет не спеша.
Плохо он экипирован, плохо он
обмундирован,
На одной ноге сапог, на другой нет сапога,
Идет не спеша.
Идет он проведать хозяйку трактира,
Идет не спеша.
Идет он проведать хозяйку трактира,
Идет не спеша.

«Налейте поскорее фляжку белого вина,
Пушкой солдат в дороге осушит ее до дна!»
Идет не спеша*.

В комнату входит директриса. Это дама со строгим лицом, в руках у нее огромная папка. Дама швыряет папку на стол и неприветливо смотрит на Миша. Длинные ногти дамы покрыты темным лаком. Она садится в кожаное кресло и холодно обращается к Миша:

— Мадам Сельд, расскажите, пожалуйста, о себе.
Та заметно робеет.

— Э-э... Мое полное имя — Мишель Сельд, но все называют меня Миша.

— Очень хорошо. Вы замужем?

— Нет.

— У вас есть дети?

— Нет.

Повисает молчание. Директриса ждет более развернутого ответа.

— Я... много путешествовала по работе. Делала фоторепортажи для журналов. А потом служила корректором в газете. Вычитывала тексты статей. Опечатки, синтаксические ошибки, просторечия, повторы — ничто не ускользало от моего внимания...

* Французская народная песня с печальным концом: хозяйка трактира, жена бедного солдата, считая его погибшим, вышла замуж за другого. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Директриса перебивает ее:

— По какой причине вы желаете оставить свой теперешний пост?

Миша не понимает вопроса. В ее взгляде вспыхивает паника, она не в силах скрыть этого. Миша озирается в поисках кого-нибудь, кто мог бы ей помочь, но в кабинете нет никого, кроме нее самой и этой дамы, которая нетерпеливо постукивает пальцами по столу, потому что Миша медлит с ответом. Ногти директрисы с глухим скрипом скребут по пластиковой поверхности стола.

— Вообще-то... видите ли, я уже давно на пенсии.

Собеседница чему-то усмехается, а затем подчеркнуто громко вздыхает.

— Позвольте мне задать вопрос иначе, мадам Сельд: что вызвало ваш интерес к нашему учреждению?

— Я, наверно, ошиблась кабиной... кабинетом... Я не знала, что нужно проходить через это... делать это...

Директриса больше не скрывает своего раздражения.

— Мадам Сельд, вы явились на собеседование о приеме в дом престарелых. Вам следует представить себя в наиболее выгодном свете, ведь на места в нашем заведении претендует великое множество людей, неужели я должна объяснять вам такие простые вещи?

С каждым произнесенным словом ее голос становится все резче.

— Нет-нет... Конечно, я понимаю. Но я не подозревала, что мне предстоит собеседование, и поэтому не подготовилась.

Директриса выходит из себя.

— И на что же вы надеялись, мадам Сельд? Что здесь принимают первого встречного по первому требованию? А вот и нет! На всех мест не хватит, вам ли этого не знать?! Не хватит! И так везде! Чем бы вы ни занимались, надо проходить проверки и собеседования, сдавать экзамены и испытания, участвовать в состязаниях и конкурсах, заполнять анкеты и опросники! Демонстрировать свою приверженность, командный дух, мотивацию, решимость! В школе, на работе, в университете — везде, мадам Сельд, да, везде, везде, везде — должностные лица вынуждены сортировать, выбирать, отдавать предпочтение! Отделять зерна от плевел приходится даже в доме престарелых! Так устроен мир, и не я диктую его правила, но я, заметьте, их соблюдаю!

Речь директрисы, похоже, произвела на Миша впечатление.

— То есть мне необходимо доказать, что я достойна места в вашем учреждении?

— Вот именно! Опишите свои сильные стороны, наиболее слабую сторону, назовите направления, в которых вам следует работать над собой. Перечислите свои секторы роста, рассчитайте свой индекс способности к совершенствованию.

— Вы знаете, я пожилой человек.
— В этом-то и проблема, мадам Сельд.
— Просто я... больше не могу оставаться дома одна. Я боюсь... Я теряю вещи... Я боюсь, что мне станет еще хуже.

Дама снова нарочито громко вздыхает.

— Эх, не облегчаете вы мне задачу. Вы хотя бы танцевать умеете?

— Да, немного.

— Покажите.

Миша встает и нерешительным шагом отходит от письменного стола. Начинает танцевать, как девочка. Поворачивается вокруг себя, держа чуть согнутые в локтях руки над головой, поднимается на цыпочки. Она грациозна. Тело понемногу обретает легкость, Миша втягивается в игру и танцует все лучше и лучше, ее движения становятся свободнее, а на лице появляется улыбка.

Сейчас ее можно принять за девушку, каждый жест которой точен и выверен. Она сияет.

Директриса черкает что-то в своем досье. Затем молча встает и уходит.

Миша остается одна в центре светового круга, она продолжает танцевать для себя.

А потом отступает в тень и исчезает.

Она часто пересказывала свои сны, всякий раз добавляя к сюжету какие-то новые детали. То ли воспоминания об этих сновидениях со временем становились четче, то ли она специально придумывала те или иные подробности, которые представлялись ей более красноречивыми и которые позволили бы нам — тем, кто приходил и уходил, когда считал уместным, тем, кто пока полностью контролировал свое тело, — лучше понять переполнявшее ее чувство панического страха.

Наступил день встречи. Миша сидит на том же месте, что и в своем сне. Но сейчас рядом с нею сижу я.

В ожидании директрисы дома престарелых мы устроились в креслах перед ее письменным столом. Миша напряжена так, словно ей предстоит важный экзамен.

— Не волнуйся, Миша. Директриса просто познакомится с тобой, только и всего.

— Мне точно не придется проходить собеседование... предоставлять рекомендации... продемонстрировать свою пригодность... чтобы меня приняли?

— Что ты, нет, конечно. Сама увидишь.

Я заглядываю ей в глаза и улыбаюсь. Кажется, она немного расслабляется. Миша всматривается в меня, на ее лице появляется выражение преувеличенного недоумения.

— Ты причесываешься?

— Да, Миша, я причесываюсь.

В кабинет входит милая и приветливая дама в светлой одежде.

Дама усаживается в кресло и кладет перед собой папку с документами.

Затем обращается к Миша:

— Правильно ли я понимаю, мадам Сельд, что еще несколько недель назад вы не нуждались в помощи?

Миша коротко кивает.

— Теперь же вы больше не можете оставаться одна... По словам вашего врача, за последние месяцы вы не раз падали, и однажды после такого падения вам даже потребовалась краткая госпитализация. Вы испытываете головокружение, это частично объясняет ваши опасения и трудности с самостоятельным передвижением.

Миша снова едва заметно кивает. Дама перелистывает документы.

— Вы бываете на улице?

— Иногда. Вместе с Мари. Раз в неделю. Раньше я гуляла по своему балкону, но теперь и это мне не под силу.

— Гуляли по балкону?

— Да, там-отсюда, как арестантка... По десять проходов, а когда я была в форме, то и по двадцать. Каждый проход — это десять шагов в длину плюс два в ширину, итого двенадцать, а вместе... сочтите, пожалуйста, сами.

Директриса смотрит на Миша и пытается понять, какова доля самоиронии в ее словах. Но никакой самоиронии нет и в помине, Миша гордится собой: сто двадцать шагов в день — это вам не шутки.

Директриса переводит взгляд на меня, словно передавая эстафету. Я подхватываю рассказ:

— Когда я навещаю Миша, непременно вывожу ее погулять, но... с каждым разом она робеет все сильнее. Боится снова упасть. К тому же уличная суматоха быстро утомляет ее.

— Вы рассматривали помощь на дому?

— Да, разумеется. Но проблема в том, что кто-то должен неотлучно находиться рядом. Миша больше не в силах оставаться одна. Ей страшно.

— А по ночам мне снятся... кошмары, — добавляет Миша.

— Я предлагала ей поселиться у меня, но она не хочет и слышать об этом.

— Ни за что на свете! Жить на шестом этаже, в доме без люфта... И потом, Мари совершенно не обязана заботиться обо мне!

Директриса вопросительно поворачивается в мою сторону, а я не отвожу взгляда от Миша и хочу, чтобы она тоже посмотрела на меня. Я жду, когда ее вылинявшие глаза поднимутся и сосредоточатся на моем лице.

— И правда, Миша, совершенно не обязана.

— Нет. Об этом и речи быть не может. Старички — тяжкая обуза. И потом, уже ничего не исправить. Я прекрасно понимаю, к чему все идет.

Директриса переводит взгляд с Миша на меня и осведомляется:

— То есть сейчас вы живете в доме мадам Сельд?

— Да, вечером и ночью я там. Днем, пока я на работе, с нею сиделка.

— Я позвоню вам, как только появится свободное место. Лечащий врач мадам Сельд подтвердил, что она нуждается в уходе. Думаю, вопрос решится в скором времени, но точных сроков не назову. Все зависит от... выбытия.

Директриса поднимается из-за стола. Миша смотрит на меня, ожидая моего сигнала. Я помогаю ей встать на ноги и взяться за трость.

Маленькими шагами мы выходим из комнаты.

Миша закрывает за собой дверь квартиры — дверь, которую она запирала и отпирала день за днем на протяжении многих лет. Миша понимает, что сегодня делает это в последний раз. Она хочет сама повернуть ключ в замке. Она знает, что больше не вернется сюда. Больше не включит телевизор, не разглядит покрывало на кровати, не вымоет сковородку, не задернет шторы в солнечный день, не повесит халат на крючок в ванной, не похлопает по диванным

подушкам в попытке вернуть им давным-давно утраченную форму. Миша раздала вещи — мебель, кровать, магнитофон, посуду, тостер. Взяла с собой лишь несколько книг, фотоальбомы, три десятка писем да личные документы, которые выкидывать нельзя. Миша понимает, что снялась с якоря.

Мы с Миша входим в ее новую комнату. Меблировка здесь простая: кровать, тумбочка, стул, кресло, письменный стол, стенной шкаф. Термостойкий пластик, просто пластик, светлое дерево. Мягкие пастельные цвета. Все добротное, качественное, по стандарту. Миша усаживается в кресло, я раскладываю вещи. Она скользит взглядом по чистым голым стенам, по занавескам с узором в цветочек. Лицо у Миша хмурое, настроение мрачное.

— Не беспокойся, ты сможешь украсить комнату по своему вкусу. На стены повесим какие-нибудь фотографии, а на стол поставим красивый комнатный цветок в горшке.

— К чему все это?

— Чтобы стало поуютнее.

— И что изменится? Думаешь, картинки на стенах помогут мне почувствовать себя тут как дома?

— Ты права, Миша, это не твой дом, но это не повод считать, что тут плохо. Какое-то время те-

бе придется пожить здесь, а значит, постарайся
глядеть на все веселее.

— Ну да. Придется пожить, — отзывается она
с непонятным мне намеком.

Вид у Миша не ахти, глаза грустные. Неожиданно ее взгляд проясняется.

— Ты нашла в моей сумке бутылку?

— Какую бутылку?

— С виски.

— Да, она там. Но, по-моему, брать сюда спиртное не очень разумно, Миша, учитывая твои падения и прочее... Ты точно хочешь оставить ее у себя?

— Послушай, я делаю буквально один лоточек перед сном, выпиваю крошечный стаканчик: такая доза меня не убьет. Поставь, пожалуйста, бутылку в шкатулку. Не очень высоко и не очень низко, за одежду, будь любезна.

— Ты уверена, что это разрешено?

— Не особенно. Но мне клевать. Я все-таки не в армии.

Я вытаскиваю бутылку, которую специально не вынимала из сумки, пока Миша сама не напомнила, и пытаюсь убрать ее в шкаф. Миша протестующе машет рукой.

— Не так высоко, нет! Вот, сюда, пониже. За пулеметы... пуловеры, ага, отлично.

На ее лице мелькает проблеск удовлетворения.

Я присаживаюсь на стул рядом с Миша, а она берет в руки информационный буклет и листает его. Все ясно: ищет, на что бы пожаловаться.

— Обед в двенадцать часов, полдник в четыре, ужин в половине седьмого... Пф, что за дурацкая жизнь!

Я улыбаюсь.

— Ты заметила, какие они дряхлые на вид? Те женщины в гостиной, которые сидят в креслах... на роликах. Им явно уже за девяносто.

— Не знаю, Миша, но у тебя точно будут соседи всяких возрастов. Люди поселяются здесь по разным причинам, ты не в числе самых старых.

Кажется, мои слова успокаивают ее.

— Вот и ладно. Но все равно я чувствую себя не в своей тарелке.

— Могу себе представить, Миша.

На самом деле это не так. Ничегошеньки я не могу себе представить. Потому что это невообразимо. Я накрываю руку Миша своей. Подыскиваю какие-нибудь слова поддержки — «Дамы показались мне очень милыми», «У тебя скоро появятся приятельницы», «Тут полно интересных занятий» — и сама понимаю, что каждая из этих фраз оскорбительна по отношению к человеку, которым еще недавно была Миша.

Так что я ничего не говорю.

Я просто сижу рядом с нею.

Миша ложится на кровать и задремывает.

Несколькими минутами позже в комнату входит сотрудница дома престарелых. Она принесла Миша *маленькую* упаковку яблочного сока с *маленькой* соломинкой и *маленький* кекс в *маленьком* пакетице. Точно такие же подают в детском лагере.

Вот, значит, что тебя ожидает, Миша: маленькие шаги, маленькие сны, маленькие перекусы, маленькие прогулки, маленькие приемы гостей.

Уменьшенная, сжатая, но идеально организованная жизнь.

Я пытаюсь почаще звонить Миша.

Но разговаривать по телефону тоже стало труднее. Она плохо слышит и быстро начинает путаться. Наши беседы делаются короче, формальнее, теряют всякий смысл. Внезапно голос Миша кажется мне совсем далеким. Я не сдаюсь, однако мои усилия ни к чему не приводят, так что я обращаюсь к ней, будто к ребенку, и это ранит мне сердце, ведь я помню, какой она была, знаю, что она читала книги Дорис Лессинг, Сильвии Плат и Вирджинии Вулф, что она не отменила подписку на «Монд» и продолжает ежедневно перелистывать всю газету от корки до корки, пусть даже просто скользя глазами по заголовкам, набранным крупным шрифтом.

Зная все это, я раз за разом повторяю одни и те же вопросы. Ты хорошо спала? Хорошо ела? Все ли благополучно? Ты немножко почитала? Ты смотрела телевизор? Ты с кем-нибудь подружилась? Чем занимаешься в течение дня? Ты еще не ходила в кино клуб?

А Миша... Вместо того, чтобы сказать: оставь меня в покое, иди выпей за мое здоровье и потанцуй на барной стойке, — она любезно отвечает на каждый мой вопрос. Она старается, она подыскивает слова.

Когда я кладу трубку, то чувствую такое бессилие, что мне еще долго трудно говорить.